

Э. ХЕКСЕЛЬШНАЙДЕР

**НОВОЕ О СТУДЕНЧЕСКИХ ГОДАХ
А. Н. РАДИЩЕВА И ЕГО ДРУЗЕЙ.
ДВА НЕИЗВЕСТНЫХ ПИСЬМА К Х. А. КЛОДИУСУ**

Об источнике публикации

Дошедшая до нас переписка А. Н. Радищева не слишком обширна. В «Полном собрании сочинений» опубликовано всего 108 писем за период с 1779 по 1802 г.;¹ в позднейшие годы новых находок в этой области не было сделано.² За исключением официальных бумаг в составе следственного дела не сохранились и письма лейпцигского периода — не только от Радищева, но и от других русских студентов. Тем больший интерес представляют публикуемые здесь два письма студентов лейпцигской «екатерининской группы», а именно А. Н. Радищева и А. К. Рубановского их университетскому учителю Х. А. Клодиусу.

Прежде всего необходимо сказать о происхождении писем. В рукописном собрании Музея городской истории Лейпцига (Stadtgeschichtliches Museum Leipzig) хранятся два письма профессору философии Лейпцигского университета Х. А. Клодиусу, написанные различными почерками по-немецки и подписанные соответственно «Alexander von Radistscheff» (Лейпциг, 20 сент. 1769) и «A. von Rubanofski» (Лейпциг, 21 сент. 1769). Как следует

¹ *Радищев А. Н.* Полн. собр. соч. М.; Л. 1952. Т. 3. С. 307—536, примеч. с. 604—657.

² Стоит отметить, что в корпус Полного собрания сочинений не вошли три записки Радищева, находившиеся в том числе в известных редакторам архивных делах. Две из них были опубликованы позднее: *Старцев А. И.* Университетские годы Радищева. М., 1956. С. 46; *Бабкин Д. С.* Процесс А. Н. Радищева. М.; Л., 1952. С. 152; одна до сих пор остается неопубликованной (РГАЛИ. Ф. 1719. Оп. 2. № 5; частичная публикация (приписка Е. А. Радищевой): *Татаринцев А. Г.* А. Н. Радищев : Архивные разыскания и находки. Ижевск, 1984. С. 239).

из книги поступлений музея, эти два письма были приобретены в составе «собрания лейпцигских автографов» 18 января 1912 г. у фирмы Карла Эрнста Хенрици (Heinrici; фирма располагалась по адресу Berlin SW 75, Курфюрстенштрассе, 148); цена указана только за все собрание в целом. Откуда рукописи поступили в фирму Хенрици, здесь не отмечено — таким образом, проследить их историю далее не представляется возможным. Ничего не известно и о письменном или устном ответе адресата писем «Monsieur Clodious [sic], Professeur» (так он обозначен на подписанном неизвестным почерком конверте).

Оба письма до сих пор не упоминались исследователями жизни и творчества Радищева. Я познакомился с указанием на них при следующих обстоятельствах. В разделе новой пятитомной «Истории Лейпцигского университета. 1409—2009», названном «Истоки современной науки. Лейпцигский университет в период Просвещения до университетских реформ. 1650—1830/31» лейпцигский историк Детлеф Дёринг³ процитировал один абзац из публикуемого ниже письма Радищева, а именно — в связи с замечанием о действовавших в то время в Лейпциге салонах — фрагмент о дамах. По собственному признанию (23 ноября 2011 г.), историко-литературная значимость этой находки Д. Дёрингом не осознавалась. Проведенная мною в музее 8 ноября 2011 г. сверка de visu письма Радищева обнаружила в том же деле также и публикуемое ниже письмо Рубановского, писавшего Клодиусу о своих занятиях в переводах.

К сожалению, о подлинности документов нельзя говорить однозначно, поскольку источники для сверки почерков, близкие по времени создания к публикуемым письмам, отсутствуют. Образцы немецкого почерка Радищева редки. Единственный источник самого раннего известного до сих пор его немецкого письма — данный в начале мая 1771 г. официальный отказ от использования при обучении книги И. Г. Беме «О европейских государственных делах» и замене лекционного курса чтением сочинений Мабли (он записан как приписка к соответствующему отказу С. Н. Янова) — представляет собой писарскую копию.⁴ Еще более краткая записка, написанная по-немецки, была адресована Радищевым 20 июня 1790 г. И. Г. Шнору; в ней объяснялось, почему писатель

³ Bünz E., Rüdgersdorf M., Döring D. (Hrsg.). Geschichte der Universität Leipzig 1409—2009. Bd. 1 : Spätes Mittelalter und Frühe Neuzeit 1409—1830/31. Leipzig, 2009. S. 669 f.

⁴ Старцев А. И. Университетские годы Радищева. С. 46; оригинал: РГАДА. Ф. 17. Оп. 1. № 62. Л. 212 об. Здесь же находится и единственный известный мне немецкий текст Рубановского (всего одно предложение!), который, по указанию А. А. Костина, также представляет собой писарскую копию.

все еще не может расплатиться с типографом за приобретенный у последнего печатный станок.⁵ Эта записка сохранилась в следственном деле о Радищеве и книгопродавце Зотове в подлиннике; несмотря на иной характер написания этой краткой и, по-видимому, спешной записки в отличие от обширного и тщательно продуманного письма 1769 г., в целом их сверка позволяет говорить, что перед нами один, хотя и существенно изменившийся за двадцать лет почерк (показательно не только сходное написание большинства букв, но и идентичные написания блоков букв «bli», «ich» и др.). Другим источником, по которому можно достоверно судить о подлинности радищевского почерка в публикуемом письме, служат немецкие фрагменты в письмах Радищева А. Р. Воронцову, написанных по-французски, подлинники которых хранятся в архиве Санкт-Петербургского института истории РАН. Обращение к ним наглядно подтверждает, что и в 1790-х гг. французская и немецкая рукописная графика у Радищева существенно различалась. Особо показательно письмо от 24 марта 1792 г.,⁶ где приводятся названия немецких книг — здесь Радищев переходит на характерное для лейпцигского письма написание «и» с галочкой сверху; различно пишет «F» в «Finlande» французского текста и «Finischen» немецкого; показательно различное написание «г» (во французском тексте — хвостиком влево; в немецком, как и лейпцигском письме, — галочкой с хвостиком вправо). Различаются также написания «z», «h», «v»; в целом написание этих букв сходно с лейпцигским письмом; сходно и написание большинства общих для двух график (немецкой лейпцигского письма и графики писем Воронцову) букв «m», «d», «a», «f» и других. Вместе с тем для лейпцигского письма характерно готическое написание «е» как «п» — в письмах Воронцову во французской и немецкой графике эта буква пишется одинаково и отличается от лейпцигского письма; в записке Шнору написание сохраняется. Таким образом, по мнению А. А. Костина, в отношении лейпцигского письма, в целом, можно сказать, что перед нами радищевский немецкий почерк, изменившийся со временем.

Я склонен согласиться с этим мнением, поскольку в пользу подлинности письма служат и другие доводы. Все факты, сообщаемые в обоих письмах, вполне соответствуют сведениям, известным по имеющейся литературе о пребывании Радищева в Лейпциге. Письма адресованы находившемуся в гостях у род-

⁵ Бабкин Д. С. Процесс Радищева. С. 152; оригинал: РГАДА. Ф. 7. Оп. 1. № 2760/1. Л. 62.

⁶ Архив СПбИИ РАН. Ф. 36. Оп. 1. № 1220. Л. 236; ср.: Радищев А. Н. Полн. собр. соч. Т. 3. С. 430—436. Письмо к А. Р. Воронцову от 24 марта 1792.

ственников в Цвикау профессору Клодиусу; непродолжительная разлука с ним стала поводом сообщить ему некоторые сведения об общественной жизни Лейпцига (начало книжной ярмарки и театрального сезона), о которых адресату, конечно, давно было известно. Хотя нельзя исключить (в том числе основываясь на подписанном третьим почерком конверте), что в обоих случаях мы имеем дело со списками писем, беловые варианты которых студенты подготовили своему учителю из «эстетических» сообщений, между тем стоит отметить, что оба письма написаны разными почерками, поэтому подобную версию без дополнительных доводов вряд ли стоит рассматривать.

Личные связи группы русских студентов с лейпцигскими профессорами и студентами. Новые материалы

Находка двух писем представляется мне удобным поводом вновь поднять заброшенные в последнее время исследования и предложить некоторые новые (а также забытые) материалы, связанные с пребыванием в Лейпциге первой группы отобранных лично Екатериной II и отправленных в Лейпцигский университет студентов. В данном случае речь может идти как об отношениях русских студентов с их соучениками по университету, так и об их связях с некоторыми немецкими профессорами.

Как известно, в 1767 г. в эту группу было включено 12 студентов, из которых 11 добрались до Лейпцига. Места, становившиеся вакантными как вследствие смерти, так и из-за возвращения студентов в Россию, вплоть до 1775 г. заполнялись новыми учениками, что позволило в последнее время А. Ю. Андрееву условно назвать эту группу «русским студенческим институтом».⁷ Впрочем, параллельно с этой группой в те же годы в университет поступали, хотя и редко, другие студенты. Во главе группы стояли инспектор Егор Федорович Бокум (Gerhard George von Alten-Bockum), иеромонах Павел и с марта 1772 г. в качестве учителя русского языка — Сергей Иванович Подобедов (1753—после 1815), в то же время обучавшийся в университете. Содержание группы стоило российской казне ежегодно около 15 000 рублей (что равнялось в то время штатной сумме Московского университета),⁸ целью ее создания предполагав-

⁷ Андреев А. Ю. Русские студенты в немецких университетах XVIII—первой половины XIX века. М., 2005. С. 186.

⁸ Там же. С. 191.

лась подготовка высокообразованных чиновников для государственной службы. До сих пор исследования этого «института» были связаны главным образом (не в последнюю очередь из-за круга доступных источников) с тремя темами: а) с так называемым «бунтом» студентов против их инспектора в первый учебный семестр (1767—1768), вылившимся в конфликт с университетским начальством и потребовавшим вмешательства дрезденского посланника; б) взаимоотношениями студентов внутри группы, отличавшимися чрезвычайно высоким уровнем сложившейся в этом коллективе солидарности и взаимопомощи;⁹ наконец, в) с учебными планами и ходом занятий студентов (эта область до сих пор остается наименее изученной).

Почти не изучено, чем занимались студенты в свободное время, каково было их положение в лейпцигском обществе, как они общались с другими студентами и какие личные отношения устанавливались у них с их учителями и профессорами. Иначе говоря, мы до сих пор не можем ответить на вопрос: с кем встречались русские студенты в свободное время, помимо официальных контактов с немецкими преподавателями и встреч с проезжавшими через Лейпциг русскими путешественниками? Известные на данный момент материалы на эту тему пока незначительны по числу и маловыразительны. Лейпцигский университет рассматривается обычно как учреждение, где коллективом выдающихся ученых студентам давалось фундаментальное образование; между тем город был также центром моды и светской жизни. Поэтому лейпцигские власти неоднократно делали попытки оградить университет от «опасностей», к которым сводилось по большей части свободное времяпровождение студентов. Имелись в виду связи с противоположным полом, азартные игры, чрезмерное посещение театров; поездки на празднества в окрестностях Лейпцига;

⁹ См. об этом: *Старцев А. И.* Университетские годы Радищева. Второе дополненное издание под названием «Радищев. Годы испытаний» (М., 1990) не сообщает ничего нового по данному вопросу; *Старцев А. И., Шлихтер Б. А.* Волнения русских студентов в Лейпциге в 1767 году // Записки Отдела рукописей ГБЛ. М., 1956. Вып. 18. С. 230—327; *Тамаринцев А. Г.* А. Н. Радищев в Лейпциге // *Zeitschrift für Slawistik*. Berlin. Jg. 20 (1974). Hf. 5. S. 629—649; *Андреев А. Ю.* «Золотая пора» // Андреев А. Ю. Русские студенты в немецких университетах. С. 182—208; из немецкой литературы см.: *Hoffmann P.* 1) *Russische Studenten in Leipzig 1767—1771 // Deutsch-slawische Wechselseitigkeit in sieben Jahrhunderten*. Berlin, 1956. S. 337—348; 2) *Radiščev in Leipzig // Karl-Marx-Universität Leipzig 1409—1959 : Beiträge zur Universitätsgeschichte*. Leipzig, 1959. Bd. 1. S. 193—207; *Hexelschneider E. A. N.* Radiščevs Leipziger Studiengang // *Wissenschaftliche Zeitschrift der Karl-Marx-Universität Leipzig*. GSR 26. Jg. (1977). H. 4. S. 357—367.

даже фехтование и верховая езда считались чрезмерно опасными для нравственности студентов.¹⁰

Обучение студентов в том, что касалось необходимых к слушанию курсов, было строго определено высочайшей «инструкцией». Оно включало в первую очередь языки (латынь, немецкий и французский), а также такие предметы, как нравственная философия, логика и история, и наконец, основные предметы — естественное и народное право, «несколько» римского права (§ 2) и математика. Требовалось обязательное участие в «публичных диспутах» и других ученых торжествах университета (§ 3).¹¹ В выборе других предметов студентам предоставлялась свобода: «Прочим наукам обучаться оставить всякому на произволение» (§ 2). Досуг и свободное время строго регламентировались инспектором (в том числе и в духе приведенных выше предостережений университета от «опасностей», поджидавших студентов в городе): прогулки разрешались только группами и только в черте города, причем студентам позволялись только «пристойные увеселения» — «прогуляться на известные часы, только б не одному и не в дальное от города место. Газартные игры им запрещаются». В результате прочими студентами они чаще всего воспринимались как группа «обучающихся в здешней академии двенадцати русских благородных господ»,¹² а не как отдельные лица. Впрочем, русские студенты смело нарушали строгие предписания и создавали собственные рамки свободы. Уже в первом донесении от 1 мая 1767 г. о поведении «своих» студентов Бокум сообщал А. В. Олсуфьеву, что они отправились в деревню под Лейпцигом, где «ели пирожки, нарушая пост». ¹³ Со временем список нарушений студентов против пунктов инструкции только рос: студенты (по Бокуму) «без разрешения и надзора бегают по всему городу»; были уличены в (запрещенной) «скачке верхом по городу». Наконец, русские студенты общались с девушками; позднее гофмейстер говорил о «непреодолеваемой их склонности к женскому полу» (в нарушении этих запретов саксонские и прочие студенты Лейпцига также уличались неоднократно).¹⁴ Жалобы Бокума были вовсе

¹⁰ Bünz E., Rüdersdorf M., Döring D. (Hrsg.). Geschichte der Universität Leipzig 1409—2009. Bd. 1. S. 195, 612, 615, 618 u. a.

¹¹ Старцев А. И., Шлуктер Б. А. Волнения... С. 315—318.

¹² Leipziger Zeitungen. Extract der eingelaufenen Nachrichten 20. Stück vom 14. Mai 1768. См. подробнее: Hillert S. Neue Materialien aus der Leipziger zeitgenössischen Presse über den Aufenthalt der russischen Studenten in Leipzig 1767—1769 // A. N. Radiščev und Deutschland. Berlin, 1969. S. 31—32.

¹³ Старцев А. И. Университетские годы Радищева. С. 55.

¹⁴ Там же. С. 119 и сл.

не беспочвенны — позднее появились достоверные упоминания о связях студентов в Лейпциге с женщинами, в том числе и с проститутками, — как об интрижках, так и о подлинных любовных чувствах. Так, например, Радищев в своем рассказе о быте студентов прямо признается: «...не утаю и того, что деньги, нами из домов получаемые, послужили к нашему в любовострастии невоздержанию»,¹⁵ находя, впрочем, причину этого факта в недостаточном контроле за юношами, помещенными в «развратное общество». Известно также о венерических болезнях Ф. В. Ушакова и В. Н. Зиновьева, о чем последний открыто говорит в своей автобиографии. Об А. К. Рубановском рассказывали, что чрезвычайно усердные занятия (он работал «каждый день 14 часов») не мешали ему «улучить время для любовной интриги»¹⁶ с некоей немецкой девушкой (она оказалась беременной). Рассказывают также другую историю, которая случилась в 1771 г. со старшим из братьев Олсуфьевых и позволяет пролить свет на порядки того времени. Их отец, Адам Васильевич Олсуфьев, был статс-секретарем при Екатерине II. Дмитрий влюбился в дочку немецкого торговца, о чем стало «знаемо всему городу». Но в то время это было совершенно исключено, связь между представителями дворянского происхождения и торгового сословия была невозможна и по приказу отца прекращена.¹⁷

Отношения студентов и их инспектора достигли стадии открытого конфликта и вызвали взаимные жалобы в Санкт-Петербург и Дрезден. Развитие конфликта заставило власти вмешаться и провести расследование, после чего некоторые студенты сочли для себя возможным вместо читавшихся по-немецки исторических лекций профессора И. Г. Беме начать посещать лекции профессора Х. Ф. Шмида по нравственной философии, которые читались на более понятном для них французском языке.¹⁸ Итог этого «бунта» против наставника хорошо известен. В результате проведенного дрезденским посланником А. М. Белосельским расследования было решено, что поведение студентов по отношению к Бокуму «отвечало их намерениям и желанию отделаться от своего наставника и жить свободно по примеру многих студентов

¹⁵ Радищев А. Н. Полн. собр. соч. М.; Л., 1938. Т. 1. С. 168—169.

¹⁶ Биография А. Н. Радищева, написанная его сыновьями. М.; Л., 1959. С. 54.

¹⁷ Хексельшнейдер Э. Русские студенты и стажеры Лейпцигского университета до Первой мировой войны // Е. Тумим, Э. Хексельшнейдер (ред.). Русский мир Лейпцига. Лейпциг, 2011. С. 79.

¹⁸ Хексельшнейдер Э. Профессор Христиан-Фридрих Шмид, учитель русских студентов в Лейпциге // XVIII век. М.; Л., 1966. Сб. 7. С. 220—227.

в Лейпциге».¹⁹ Эта борьба за большую свободу быта и обучения завершилась успехом, поскольку более Бокум их не притеснял. Как заметил позднее Радищев, «с того времени жили мы с ним почти как ему неподвластные; он рачил о своем кармане, а мы жили на воле и не видали его месяца по два».²⁰ Подобное мнение разделялось всеми студентами, поскольку даже самый молодой из них, В. Н. Зиновьев, достаточно отчетливо отмечает в своих воспоминаниях «два периода <...> пребывания в Лейпциге», разделяемые «побегом (fuite) майора» и расселением студентов в два дома.²¹

Теперь русские студенты могли более интенсивно приняться за учебу, в том числе заниматься интересовавшими их научными проблемами, а также выстраивать собственное свободное время подобно прочим воспитанникам университета. Конфликт русской группы с ее инспектором и вмешательство университетских властей не остались незамеченными лейпцигской публикой. Уже при разборе происшествия с Насакиным в апреле 1767 г., когда Бокум дал (или собирался дать) студенту пощечину, Ф. В. Ушаков (воспринявший ее, как и Насакин, оскорблением чести всего дворянства) замечал: «На нас указывают пальцами, вот, говорят, русские господа, одному из которых майор дал пощечину!», и заключал: «Это — бесчестие для всех русских».²² Также и Бокум сообщал, что «дурное поведение господ [и их нежелание подчиняться] сделались басней для всего города».²³ Понятно, что местная пресса в то время не могла ничего сообщать о подобных событиях; однако о степени известности истории, по меньшей мере в университетской среде, можно судить по свидетельству, оставленному Мишелем Губером (Michael Hubert, 1737—1804), занимавшим в Лейпцигском университете с 1766 г. должность учителя французского языка, обучавшим и русских студентов, который охарактеризовал их в официальном аттестате достаточно лестно: «...весьма удовлетворен их вежливостью и манерами, а также усердием и точностью прихода».²⁴ Между тем в частной переписке он отзывался о своих учениках совсем иначе: так, в письме своему другу, граверу Хансу Георгу Вилле, Губер писал: «Но уверяю Вас, что эти двенадцать русских доставляют нам

¹⁹ См.: *Старцев А.* Университетские годы Радищева. С. 163. Донесение А. М. Белосельского Н. И. Панину от 10 (21) июля 1767 г.

²⁰ *Радищев А. Н.* Полн. собр. соч. Т. 1. С. 175.

²¹ *Зиновьев В. Н.* Воспоминания // Русская старина. Т. 23 (1878). № 12. С. 613 и след.

²² См.: *Старцев А. И.* Университетские годы Радищева. С. 107.

²³ Там же. С. 117.

²⁴ Там же. С. 33, примеч. 2.

больше беспокойства, нежели все остальные здешние студенты. Они невзлюбили своего гувернера, награждают его самыми бранными эпитетами, и, думаю, некоторых из них он заслуживает. Недавно они все в полном составе появились в его комнате, набросились на него, а один из них выхватил шпагу и пронзил бы его, если бы бедному майору не пришли на помощь». Это изложение эпизода с Насакиным делает очевидным масштаб распространения слухов в городе. Губер не осмеливался даже продолжать занятия «из опасения быть втянутым в их распри».²⁵ Стоит заметить, что в письмах Губера, пропитанных просветительскими и профранцузскими идеями, проявляется весьма распространенное предубеждение против России, которое отражается и на его отношении к русским студентам и заставляет считать их слишком надменными: «Вообще, господа русские, по-видимому, не слишком высокого мнения о нашей немецкой прозорливости, но зато о собственной высокого, и они, кажется, совершенно убеждены в том, что если и не превосходят все другие нации, то по крайней мере ни в чем им не уступают. Между тем я не видел ни одного русского, который проявил бы яркий талант: они, как правило, способны подражать, но выдумать решительно ничего не могут».²⁶ Серьезность мер, принятых властями, а также открыто высказанная угроза отзыва студентов в Россию, по мнению Губера, привели лишь к «обманчивому миру» между студентами и инспектором.

С другой стороны, официальное расследование позволило снизить заинтересованность группы русских студентов в общественных событиях. Так, никто из них не упоминал позднее о так называемой «Войне муз» или «Войне синиц» (*Musenkrieg* или *Mesenkrieg*; по прозвищу солдат лейпцигского гарнизона — «*Mesen*» или «*Meisen*»), развернувшейся в Лейпциге в летний семестр 1768 г. и ставшей одним из наиболее массовых студенческих волнений своего времени.²⁷ На протяжении июля и августа с утра до вечера Лейпциг в пределах городских стен был наполнен шумными шествиями и беспорядочными волнениями,

²⁵ См. подробнее: *Хексельштейнер Э.* Еще раз : «Известие о некоторых русских писателях вместе с кратким сообщением о русском театре» (1768) // *Художественный перевод и сравнительное изучение культур* : (Памяти Ю. Левина). СПб., 2010. С. 412 и след. Оригинальный текст на французском языке впервые опубликован: *Espagne M.* Übersetzer in Paris und Leipzig: Michael Huber (1727—1804) // *M. Espagne, W. Greiling (Hrsg.). Frankreichfreunde : Mittler des französisch-deutschen Kulturtransfers (1750—1850).* Leipzig, 1996. S. 981.

²⁶ *Хексельштейнер Э.* Еще раз. С. 413.

²⁷ *Witkowski G.* Der Leipziger Studentenaufbruch von 1768 // *Goethe-Jahrbuch* / Hrsg. von L. Geiger. Bd. 15. Frankfurt a./M., 1894. S. 206—215.

доходившими и до кровопролитных стычек студентов с солдатами городского гарнизона. Нет никакого сомнения, что проживавшие в центре города русские студенты так или иначе должны были наблюдать эти события; можно сказать, что именно в этих обстоятельствах они — не понимая или не желая понять до конца причин восстания — смогли осознать и собственные проблемы в отношениях с Бокумом; в первую очередь — ограничения в академических свободах. Для русских студентов она заключалась в праве на свободный выбор лекций и в освобождении от мелочной опеки гофмейстера; протест немецких студентов строился вокруг таких вопросов, как запрет на студенческие «виваты» (приветствия излюбленных профессоров), ограничения на право выхода студентов в город; обложение налогом — так называемыми «воротными деньгами» — входа в город в ночное время. Для русских студентов этот налог должен был быть оплачен в полном объеме вперед на два года, что, однако, не было выполнено.²⁸ К этому стоит добавить также злоупотребления городских чиновников и солдат гарнизона в отношении студентов, а также значительные ограничения деятельности популярной, в том числе и в студенческой среде, театральной труппы Х. Г. Коха, которой позволялось давать представления всего два дня в неделю.

Результатом этих усложняющих жизнь студентов мер стали упомянутые беспорядки, продолжавшиеся более семи недель и вовлекавшие в некоторые дни до нескольких сотен участников. Поэтому 2 августа 1768 г. властями в город было переведено 300 солдат из-за его пределов, что означало, по сути, осадное положение и еще более накалило обстановку. Было проведено расследование в отношении 69 студентов; ни одно из требований студентов не было выполнено: «воротные деньги» продолжали взиматься, а 18 октября труппа Коха перебралась в Веймар. В опубликованном 28 октября 1768 г. решении следственной комиссии (работавшей под председательством вице-президента саксонской Главной консистории П. Ф. Гогенталя (Hohenthal), в 1767 г. расследовавшего дело о беспорядках русских студентов и, возможно, за это ставшего в сентябре 1768 г. одним из немногих саксонцев кавалером ордена Святого Александра Невского²⁹) угрозы применения санкций — исключения из университета с сообщением соответствующим правительствам — были обращены также и к студентам-иностранцам.³⁰

²⁸ *Смартцев А.* Университетские годы Радищева. С. 83, примеч. 3.

²⁹ *Krebel G. F.* Europäisches Genealogisches Handbuch. Leipzig, 1770. S. 157.

³⁰ Universitätsbibliothek Leipzig. Sondersammlungen. Ms. 0278. Bl. 67B. Дело (рукописное) о «Войне муз».

Следует заметить, что до сих пор отсутствуют сведения о каких бы то ни было дружеских связях русских студентов с немецкими. В деле о пощечине, данной И. Я. Насакиным, как свидетель проскальзывает немецкий студент по фамилии Эрмес, являвшийся, однако, подданным России.³¹ Между тем до сих пор не обращалось внимания на запись в альбоме студента Карла Августа Зегница из Лейпцига, имматрикулированного 31 августа 1770 г.,³² обучавшегося на юридическом факультете до 1777 г. и впоследствии проживавшего в окрестностях Гримма.³³ Заведенный в 1770 г. и включающий записи вплоть до 1817 г., альбом (Stammbuch) Зегница относится к распространенному типу художественно оформленных книг для гостей, куда им предлагалось записывать при знакомстве или посещении приветствия и пожелания. Помимо записи В. Н. Зиновьева, о которой будет сказано ниже, здесь встречаются упоминания нескольких русских студентов, не входивших в начальную группу, прибывшую в 1767 г., но занявших освобождавшиеся со временем места, — Осипа Петровича Козодавлева (латинская запись 21 октября 1770 г.), братьев Сергея и Дмитрия Адамовичей Олсуфьевых (французская запись 11 февраля 1771 г.), а также Николая Волкова (запись на немецком языке 10 ноября 1771 г.) — все они представляют собой обычные галантные заверения в дружбе. Особо примечательна оставленная В. Н. Зиновьевым, по-видимому, при коллективном посещении (тем же числом датирована упомянутая выше запись Н. Волкова) немецкая стихотворная запись:

Ihr, die ihr Tugend liebt, verehret Gellerts Name,³⁴
Doch ehrt IHN nicht allein, sucht IHN auch nachzuahmen,³⁵
Denkt so, wie er gedacht; u[nd] handelt so wie er.
Ein Menschenfreund zu sein? ist dieses denn so schwer?

In Lesung dieser vier Zeilen Erwinnere dich an den
Besten Freund Basilius N. von Sinowiew [1 слово нрзб.]³⁶

³¹ Erler G. Die jüngere Matrikel der Universität Leipzig. 1559—1809. Leipzig, 1909. Bd. 3. S. 80. Не вполне ясно, идет ли здесь речь о Каспаре Вильгельме (Caspar Guillaume) или Эрихе Фридрихе (Erich Friedrich) Эрмесе из Ливонии, оба из которых поступили в университет 27 сентября 1764 г.

³² Erler G. Die jüngere Matrikel der Universität Leipzig. Bd. 3. S. 386. II.

³³ Universitätsbibliothek Leipzig. Sondersammlungen. Ms. 2657.

³⁴ В подлиннике: Namme

³⁵ В подлиннике: nachzuammen

³⁶ Universitätsbibliothek Leipzig. Sondersammlungen. Ms. 2657. Перевод: «Вам, любители добродетели, почитателям имени Геллерта, / Не только почитающим ЕГО, но и ЕМУ подражающим, / Думающим, как он, и поступающим, как он, / Сложно ли быть друзьями человечества? — Читая эти четыре стиха, вспоминай об искреннем друге Василии Н. Зиновьеве».

Из этой записи можно сделать следующие выводы. Прежде всего очевидно, что между студентами установилось близкое знакомство (вряд ли можно говорить о большем, поскольку впоследствии, вспоминая о своем пребывании в Лейпциге, Зиновьев ни словом не обмолвился о Зегнице). Помимо этого, очевидной становится степень преклонения русских студентов перед именем Геллерта. И, наконец, можно говорить о степени владения немецким языком, которой достиг Зиновьев, даже если допустить возможное заимствование им стихотворения из какого-либо источника. К сожалению, других упоминаний не только русских студентов, но и вообще российских подданных в обследованных мною альбомах конца 1760—начала 1770-х гг. из собрания библиотеки Лейпцигского университета выявить не удалось.

Упомянуть В. Н. Зиновьева следует и в связи с другим немаловажным для настоящей статьи обстоятельством. Из всех русских студентов (исключая С. Н. Янова, который не вернулся после обучения сразу на родину, но поступил в дипломатическую службу и десять лет служил под началом А. М. Белосельского в русском посольстве при саксонском дворе) только Зиновьев впоследствии возвращался в Лейпциг. По окончании учебы 18 января 1773 г. он был назначен флигель-адъютантом в штабе Г. Г. Орлова и в 1774 г., проезжая через Саксонию в Италию с курьерским поручением, останавливался в Лейпциге. Впоследствии, в 1783—1788 г., он предпринял длительное путешествие по Европе и в том числе на долгий срок задержался в Лейпциге (сам он говорит о восьми месяцах; причиной остановки стала, по-видимому, венерическая болезнь).³⁷

Заметки Зиновьева об этом путешествии и его автобиография дают мало содержательных сведений о времени его учебы. Образование не оказало особого влияния на двенадцатилетнего в то время юношу; судя по всему, разлука с родными оказалась для него настолько тяжелой, что долгое время он размышлял даже о самоубийстве. Оглядываясь назад, наиболее важным для себя в обучении Зиновьев признавал лишь занятия немецким языком и чтение духовной литературы. Более же всего его занимали «детские шалости и даже грехи», как он отзывается о своей связи с одной немецкой служанкой. Его непосредственным немецким гувернером после бегства Бокума был, по-видимому, доктор

³⁷ Лейпцигские впечатления Зиновьева отразились в следующих его материалах: *Зиновьев В. Н.* 1) Журнал путешествия В. Н. Зиновьева по Германии, Италии, Франции и Англии в 1784—1788 гг. // *Русская старина.* 1877. № 10. С. 216—221; 2) Воспоминания // *Русская старина.* 1878. № 12. С. 613—614. О Зиновьеве см.: *Травников С. Н.* Зиновьев Василий Николаевич // *Словарь русских писателей XVIII века.* Вып. 1 : (А—И). Л., 1988. С. 337.

права Иоганн Адам Готтлиб Кинд, синдик университета и ординарный профессор саксонского права. Зиновьев вновь встретился с ним в Лейпциге в 1783 г. («он мне очень обрадовался») и даже проживал в его доме в центре города, на Гриммайше Гассе. На взгляд Зиновьева, город сильно изменился: «Перемену чрезвычайную нашел в Лейпциге. Роскошь чрезвычайно умножилась. Утеха грешнику себе подобных видеть!»³⁸ Судя по всему, Зиновьев был азартным игроком, о чем говорят многие места в его заметках; он посетил также ярмарку и кратко отметил: «Денег на покупки много промотал».³⁹

Путевые заметки и автобиография Зиновьева позволяют сделать также следующие замечания о связях Лейпцигского университета с Россией во 2-й половине XVIII в. В Лейпциге в 1783 г. Зиновьев встретил своего племянника Николая Александровича Зиновьева, якобы поступившего в университет, которого он должен был отвратить «от беспорядочной жизни»;⁴⁰ судя по всему, безрезультатно. В матрикульных записях университета, изданных Г. Эрлером, встречается лишь записанный 26 февраля 1767 г. «Zinofieff de Nicolaus»,⁴¹ однако это явная описка, поскольку в этот день в университет был записан, несомненно, Василий Николаевич Зиновьев; по-видимому, его племянник лишь посещал лекции как вольный слушатель. Представляется интересным также, что «автобиография» В. Н. Зиновьева была написана им по просьбе тещи Анны Ивановны Брейткопф (Зиновьев был женат на ее дочери Устине Федоровне), влиятельного лица при дворе и впоследствии начальницы Екатерининского института. Ее муж Бернارد Федорович Брейткопф (1749—1820) был выходцем из Лейпцига. 7 апреля 1766 г. он был записан в университет и обучался здесь на юридическом факультете вместе с братом, Кристофом Готтлобом Брейткопфом, а также И. В. Гете и К. И. Кюхельбекером, отцом будущего декабриста. Можно полагать, что Б. Ф. Брейткопф был знаком со студентами русской группы, поскольку, по указанию многократного ректора университета профессора К. А. Беля, в 1773 г. Брейткопф занимался русским языком с духовным наставником русской студенческой группы отцом Павлом. В 1777 г. он отправился в Россию, как тогда говорили, «искать счастья».⁴² В любом случае Зиновьев, по-видимому, должен был лично познакомиться с Брейткопфом позднее в Петербурге.

³⁸ Зиновьев В. Н. Журнал путешествия. С. 218.

³⁹ Там же. С. 219.

⁴⁰ Там же. С. 218.

⁴¹ Erler G. Die jüngere Matrikel der Universität Leipzig. Bd. 3. S. 474.

⁴² См. подробнее: Hexelschneider E. Kulturelle Begegnungen zwischen Sachsen und Russland. 1790—1849. Köln; Weimar, Wien, 2000. S. 26—28.

В целом, как было сказано выше, мы все еще слишком мало знаем о месте русских студентов среди их немецких соучеников. Это не должно казаться удивительным, поскольку, даже несмотря на полученные свободы, они продолжали жить достаточно закрытой жизнью. Немного известно и о личных отношениях отдельных студентов с их профессорами. По большей части это были официальные отношения академического начальства и преподавателей со студентами, работавшими по учебному плану, предписанному высочайшей инструкцией, то есть обычные отношения «учитель—ученик». Имена профессоров и прочих преподавателей, как и большая часть учебных планов, достаточно известны; здесь не стоит на них специально останавливаться.⁴³ Значительно сложнее описать отношение преподавателей к вверенным им студентам, поскольку удастся найти лишь отдельные их высказывания об отношениях с учениками или о личностях отдельных студентов (см., например, цитированное выше письмо М. Губера).

Стоит отметить, что некоторые лейпцигские профессора уже имели опыт обучения русских студентов, зачастую перераставшего в теплые отношения. Так, в 1749 г. в Лейпцигском университете учились Г. В. Козицкий и его друг Н. Н. Мотонис. Оба они были нищенски бедны и не знали, каким образом оплачивать учебу, однако были внесены в матрикулы 15 мая. На них обратил внимание профессор Готфрид Гейнзиус (1709—1769), математик, географ и астроном. Он сам в молодые годы (1736—1744) служил в Санкт-Петербургской Академии и как ее почетный член получал пенсию, которую и использовал для поддержки молодых студентов. В августе 1749 г. он написал рекомендательное письмо в Петербург на имя И. Д. Шумахера с просьбой зачислить их на три года пенсионерами Академии наук для изучения иностранных языков, философии и математики. Он предлагал назначить им жалованье по меньшей мере в 150 рублей ежегодно, в Академии эта сумма была снижена до 100 рублей.⁴⁴ Гейнзиус был хорошо знаком с инициатором всего предприятия графом В. Г. Орловым, который в 1762—1765 гг. также обучался у него в Лейпциге. Кроме того, в 1767 г. он являлся советником Бокума в вопросах обучения студентов.⁴⁵

Также стоит отметить отношения с русскими студентами профессора математики и логики Кристиана Гарве (1742—1798).

⁴³ *Старцев А.* Университетские годы Радищева. С. 25—30; *Hexelschneider E.* A. N. Radiševs Leipziger Studiengang. S. 358—360, 364—365.

⁴⁴ *Степанов В. П.* Козицкий Григорий Васильевич // *Словарь русских писателей XVIII века.* Вып. 2 : (К—П). СПб., 1999. С. 94.

⁴⁵ *Старцев А. И.* Университетские годы Радищева. С. 125.

Известно, что он преподавал им с 1770 г. немецкий язык и положительно отзывался о прилежании молодых людей (в особенности, Кутузова и Янова).⁴⁶ Судя по всему, это были занятия с успевающими, заключающиеся в беседах о философии, педагогике и жизни, а также, конечно, в чтении текстов. О личных контактах Гарве с «колонистами» достоверных фактов установить пока не удалось, однако известно, что примерно в то же время он был более тесно знаком с другим русским студентом — выходцем с Украины «господином Гришановским» (Herr von Grischanowsky), сыном видного украинского начальника («Gouverneur der Russischen Ukräne», как ошибочно сообщил Гарве).⁴⁷ Судя по всему, это был Антон Крижановский, 21 октября 1766 г. записанный в матрикуле Лейпцигского университета как Anton Krizanowski, отец которого — полковник Гадячского полка Антон Степанович Крижановский — всего через год отозвал сына домой. На обратном пути Крижановский останавливался на восемь дней у временно проживавшего в Бреслау Гарве, тот устроил ему теплый прием, включавший в том числе и игру дуэтом на флейтах. Многократно встречая Крижановского в лейпцигском «обществе» (не на занятиях!), Гарве мог убедиться в его «природной сердечности», а профессор И. Я. Эберт расхваливал ему прилежание и любознательность молодого человека. Между тем сам Гарве замечает: «...голова его еще слишком пуста, а речь слишком необразованна, чтобы он был хорошим собеседником». Впрочем, этим визитом отношения профессора и его молодого посетителя не закончились: мы можем говорить о продолжавшейся по меньшей мере в течение года переписке: сохранился отправленный 20 января 1768 г. из Гадяча ответ Крижановского на неизвестное пока письмо Гарве. В эту переписку оставался вовлечен и упомянутый выше профессор Эберт, на лейпцигский адрес которого Крижановский отправил дневник с описанием своих украинских впечатлений.⁴⁸

Судя по всему, Гарве очень интересовался Россией. Помимо Крижановского, следует упомянуть также студента Штайна (Stein), который обучался с сентября 1770 г. на медицинском факультете университета на средства (200 рублей в год) проживавшей в Петербурге немецкой вдовы и мог сообщить Гарве

⁴⁶ Там же. С. 29, примеч. 6.

⁴⁷ *Garve Chr. Vertraute Briefe an eine Freundin*. Leipzig, 1801. S. 158—159. Brief vom 4. Oktober 1767.

⁴⁸ Biblioteka uniwersytetska Wrocławia. Oddział Rękopisów. M., 1293 (list nr 50). За дружеское разрешение воспользоваться этим указанием благодарю госпожу Мариолу Лось.

некоторые сведения и собственные взгляды на Россию.⁴⁹ Помимо этого, сведения о России Гарве должен был получать также от своего друга, также уроженца Бреслау, математика Иоганна Якоба Эберта (1737—1795), который в 1768—1769 гг. был воспитателем детей в доме Г. Н. Теплова (под его началом до отъезда в Лейпциг служил Ф. В. Ушаков), а после возвращения по рекомендации Х. Ф. Геллерта занял место профессора в Виттенберге. Возможно, Гарве получал также какие-то сведения о России, будучи одним из учителей в «русской колонии».

В определенной степени можно говорить о том, что Гарве, обучавший русских студентов немецкому языку, повлиял на них в ряде вопросов наряду с немецкими энциклопедистами; прежде всего — в создании представлений об идеальной модели воспитания. Известно, что он положительно оценивал педагогические труды И. Б. Базедова и, напротив, скептически возражал физиогномическим теориям И. К. Лафатера,⁵⁰ — не отсюда ли сходное восприятие этих теорий проявилось впоследствии у Радищева? Во всяком случае о поддержке Радищевым взглядов лейпцигского профессора можно судить по тому, что позже он назовет «Философские примечания и мнения о книге Цицерона об обязанностях» «изящными примечаниями».⁵¹

Стоит отметить, что историк Готтлоб-Фридрих Кребель (1729—1793), по-видимому не имевший других контактов с выходцами из Российской империи, использовал в своих трудах сведения, полученные от студентов русской группы, которые слушали у него в 1768/69 учебном году курс всеобщей истории. Он прямо говорит об этом в предисловии к своему главному труду — «Словарю европейской генеалогии»: «Главным образом я признаю себя обязанным благодарить за оказанные в составлении этой книги услуги премногих молодых людей знатного происхождения, обучавшихся в здешней лейпцигской высшей школе».⁵² В этом обновлявшемся раз в два года справочнике содержится подробное описание государственного устройства России со времен Петра I с очень точными сведениями о лицах,

⁴⁹ *Garve Chr. Briefe an seine Mutter. Breslau, 1830. S. 103. Am 22. September 1770.*

⁵⁰ Universitätsbibliothek Leipzig. Sondersammlungen. Römer/Autogr. Brief an seine Mutter vom 27. April 1770. См. также: *Opitz G. A. N. Radišev und die pädagogischen Ansichten Basedows und Wolkes // Wissenschaftliche Zeitschrift der Karl-Marx-Universität Leipzig. GSR. 26. Jg. (1977). H. 4. S. 325—329.*

⁵¹ *Радищев А. Н.* Полн. собр. соч. М.; Л., 1941. Т. 2. С. 123. Радищев упоминает здесь Гарве в длинном ряду «мучеников» науки, принесших выдающиеся плоды труда, несмотря на телесные страдания.

⁵² *Krebel G. F. Vorrede // Europäisches Genealogisches Handbuch. Leipzig, 1768 (unpaginiert); сведения о России содержатся в 13-й главе, с. 139—154 (то же в издании 1770 г.).*

занимавших отдельные государственные должности, преимущественно в правление Екатерины II, а также обозрение системы орденов. Эта точность может свидетельствовать о степени контактов профессора с русскими студентами, выступившими здесь в роли информаторов.

То же можно сказать и о профессоре юридического факультета Августе-Фридрихе Шотте (Schott; 1744—1792), одном из основных лекторов русской группы (больше него они слушали лекции только у Беме), обучавшем их навыкам труда юриста. Об этом можно судить по его систематически разработанному «Опыту юридической энциклопедии и методологии». Хотя первое издание этого сочинения вышло в свет лишь в 1772 г., скорее всего, в его основе лежат курсы прочитанных ранее лекций, что позволяет судить об учебном методе Шотта. В частности, в помещенном здесь «Плане распределения учебных часов на весь курс университетских занятий» он указывает как обязательные для юриста занятия судебной медициной, другими естественнонаучными предметами и «изящными искусстваами»,⁵³ что во многом соответствует тому объему знаний, которые Радищев и его товарищи получили ко времени своего отъезда из Лейпцига.

Начиная с ноября 1767 г. он начал систематически публиковать в «*Leipziger Zeitungen*» свои замечания о екатерининском «Наказе» и о деятельности Комиссии Нового уложения,⁵⁴ а также поместил в одном из своих сборников обширный отзыв на опубликованный в 1768 г. в Риге и Митаве немецкий перевод «Наказа» вскоре после его выхода в свет.⁵⁵ При оценке этого факта следует иметь в виду, конечно, не только занятия Шотта с русскими студентами, но и тот значительный интерес, который проявляли в конце 1760-х гг. к этому начинанию Екатерины II в Европе.

Более всех любимый студентами за его вдохновенную риторику профессор Эрнст Платнер (Platner; 1744—1818), как было показано А. Г. Татаринцевым, давал Радищеву, Кутузову и Рубановскому факультативные занятия по метафизике и физиологии,⁵⁶ а впоследствии (как свидетельствовал Н. М. Карамзин) тепло

⁵³ Schott A. F. Entwurf einer juristischen Encyclopädie und Methodologie, zum Gebrauch akademischer Vorlesungen. Leipzig, 1772. 2. verm. u. verb. Aufl. Leipzig, 1774. S. 277—282.

⁵⁴ Hillert S. Neue Materialien aus der Leipziger zeitgenössischen Presse. S. 33—35.

⁵⁵ Schott A. F. Unpartheyische Critik über die neuesten juristischen Schriften. 1. Stück. Leipzig, 1768. S. 65—77.

⁵⁶ Татаринцев А. Г. А. Н. Радищев в Лейпциге. С. 636. Вряд ли стоит еще раз специально останавливаться на многократно использованных отзывах о Платнере Н. М. Карамзина и А. И. Тургенева.

отзывался о своих русских учениках; между тем сами они воспоминаний о нем не оставили.

Наконец, следует сказать об отношениях с «русской колонией» наиболее известного в конце 1760-х гг. лейпцигского профессора — Х. Ф. Геллерта (1715—1769). Особое значение его занятий для Радищева и других студентов неоднократно подчеркивалось в исследовательской литературе, тем более что сами ученики часто впоследствии говорили о нем как о несомненном авторитете. Особенно показательно высказывание Радищева в «Житии Федора Васильевича Ушакова»: «Таковым щастием пользовались мы хотя не долгое время в Лейпциге, наслаждаясь преподаванием в словесных науках известного Геллерта».⁵⁷ Помимо прочего, Радищев упоминает о самом Ушакове как о «любезнейшем Геллертовом ученике» и сообщает, что тот «удостоился в сочинениях своих поправляем быть сим славным мужем».⁵⁸ Между тем это свидетельство следует понимать лишь как указание на то, что знаменитый профессор действительно проверял работы своего студента, однако они носили несомненно учебный характер, и сама проверка была, скорее всего, по общепринятому в то время обычаю, достаточно формальной. Такими же проверками ограничивались и связи Геллерта с Гете.⁵⁹ Это особенно важно для поднятого здесь вопроса, поскольку с большой долей вероятности можно предположить, что такую же работу по исправлению студенческих сочинений выполнял и Клодиус. Как бы то ни было, почтительное отношение к знаменитому писателю сохранилось у многих русских студентов.⁶⁰ О том, насколько интенсивным оно было во время их учебы в Лейпциге, говорит и процитированная выше запись В. Н. Зиновьева в альбоме фон Зегнитца, и публикуемое ниже письмо.

Возможно, дополнительные сведения о связях русских студентов с лейпцигской профессурой принесут новые поиски; особое внимание следует уделить материалам известных и предполагаемых учителей Радищева и его товарищей — в первую очередь письмам и мемуарам; по-видимому, надежных результатов можно будет добиться лишь их фронтальным просмотром. О вероятно-

⁵⁷ Радищев А. Н. Полн. собр. соч. Т. 1. С. 180.

⁵⁸ Там же.

⁵⁹ Гете И. В. Из моей жизни. Поэзия и правда / Пер. с нем. Н. Ман // Гете И. В. Собр. соч. М., 1976. Т. 3. С. 208, 249.

⁶⁰ Не исключено, что в главе «Путешествия из Петербурга в Москву» «Бронницы» Радищев использовал известную статью Геллерта «Почему нехорошо предузнавать свою судьбу» (Warum es nicht gut sey, sein Schicksal vorher zu wissen), переводившуюся в том числе А. М. Кутузовым: Костин А. А. Религиозные взгляды А. Н. Радищева // XVIII век. СПб., 2006. Сб. 24. С. 265—271.

сти подобных находок говорит тот факт, что за последние десятилетия наши сведения о связях лейпцигских ученых с Россией, и в том числе с русскими студентами, существенно пополнились, поэтому на будущее поднятой здесь темы следует смотреть с оптимизмом.

Христиан Август Клодиус — биография и связи с Россией

Имя Х. А. Клодиуса до сих пор не упоминалось в работах о русских студентах в Лейпциге; тем более не было известно, что он был одним из их учителей; неизвестен он и истории русской литературы. Сочинения Клодиуса на русский язык почти не переводились; пожалуй, единственным исключением может служить прозаический отрывок «Утро в Вильденфельсе», переведенный в 1798 г. И. Ф. Тимковским.⁶¹ Единственное известное упоминание о нем русским писателем принадлежит Д. И. Фонвизину, в конце августа 1784 г. писавшему родным: «...поехал я с визитом к профессору и секретарю здешнего ученого общества Клодиусу, человеку мне уже знакомому».⁶² Речь идет о созданном в 1774 г. польским воеводой Й. А. Яблоновским «Societas Jabloviana», секретарем которого Клодиус был с 1782 г.; целью его было содействие изучению истории Польши и славянских народов, а также издание трудов, побеждавших на проводившихся обществом конкурсах. Как бы то ни было, полноценной беседы у Фонвизина с Клодиусом не вышло, поскольку последний был занят корректурами своих «премудрых сочинений». Это замечание, по-видимому, иронично, поскольку вполне соотносится с оценкой, данной Лейпцигу русским сатириком зимой 1777 г. (во время предполагаемого знакомства Фонвизина и Клодиуса) как городу, «в котором живут преученые педанты»,⁶³ причем из наблюдения над ними он делал следующий вывод: «Лейпциг доказывает неоспоримо, что ученость не родит разума».⁶⁴ В 1784 г. Клодиус провел русского путешественника, проявлявшего интерес к искусству, по лейпцигским картинным галереям, после чего Фонвизин отметил, что две из них «содержат в себе много наилучших пиес славных

⁶¹ Приятное и полезное препровождение времени. М., 1798. С. 363—365. Оригинал перевода: *Clodius Chr. A. Phocion. Der neuen vermischten Schrifften 1. Theil. Leipzig, 1789. S. 176—180* (см.: *Drews P. Deutsch-slavische Literaturbeziehungen im 18. Jahrhundert. München, 1996. S. 225*).

⁶² Фонвизин Д. И. Собр. соч. М.; Л., 1959. Т. 2. С. 509. Письмо к родным от 29 августа (9 сентября) 1784 г.

⁶³ Там же. Письмо к родным от 20 ноября (1 декабря) 1777 г.

⁶⁴ Там же. С. 454. Письмо к П. И. Панину от 22 ноября (3 декабря) 1777 г.

мастеров»⁶⁵ (позже Фонвизин указывает, что делает в дневнике «описание картин лейпцигских», однако оно, как и сам дневник, не сохранилось). По предположению В. Ф. Левинсона-Лессинга, под этими особо выдающимися собраниями Фонвизин имел в виду художественное собрание купца и коллекционера Готтфрида Винклера (1731—1795), лейпцигскую достопримечательность, открытую для публичного посещения в 1768 г., а также «Кабинет картин» купца Иоганна Захарии Рихтера (1696—1788).⁶⁶ Можно предположить, что кто-то из русских студентов, в том числе бравший в Лейпциге уроки рисования Радищев, также посещал эти галереи.

Остается задать вопрос: кем был этот Клодиус и что нам известно о его русских связях? Христиан Август Клодиус (1737—1784) родился в Аннаберге в Рудных горах; начальное образование получил в гимназии города Цвиккау, ректором которой с 1748 г. был его отец (отсюда позднейшие семейные связи Клодиуса с этим городом). В 1755—1759 гг. он изучал в Лейпцигском университете литературу, историю древнего мира и философию. По совету Геллерта он решил избрать для себя университетскую карьеру; в 1759 г. получил степень магистра свободных наук; в 1760 г. был избран экстраординарным, а в 1764 г. — ординарным профессором философии (эту должность Клодиус занимал до 1778 г.). Помимо этого, с 1782 по 1784 г. он был профессором поэтики, с 1784 г. — логики; в 1781 г. в соответствии с тогдашним университетским уставом полгода занимал должность ректора университета.⁶⁷ Наиболее известным его сочинением были «Литературно-нравственные опыты» (*Versuche aus der Literatur und Moral*; 1767, 4 тома); были известны также его многочисленные небольшие поэтические и философские сочинения.

Клодиус был лично знаком со многими писателями, оказавшими на него известное влияние, в том числе с Э. Х. фон Клейстом и — особенно — Х. Ф. Геллертом, которого он считал выдающимся учителем поэтики и стилистики. В то же время Клодиус старался установить тесные отношения со студентами. Так, в своем доме на Катариненштрассе он содержал пансион, где за восемь лет проживали до 70 студентов-пансионеров; по

⁶⁵ Там же. С. 509. Письмо к родным от 29 августа (9 сентября) 1784 г.

⁶⁶ *Левинсон-Лессинг В. Ф. Д. И. Фонвизин и изобразительное искусство // Левинсон-Лессинг В. Ф. История картинной галереи Эрмитажа 1764—1917. Л., 1985. С. 359 и сл.*

⁶⁷ *Professorenkatalog der Universität Leipzig // Catalogus Professorum Lipsensis / Hrsg. Lehrstuhl für Neuere und Neueste Geschichte : Historisches Seminar der Universität Leipzig (<http://www.uni-leipzig.de/unigeschichte/professorenkatalog/leipzig/Clodius> 1341).*

свидетельству жены Клодиуса писательницы Юлии Клодиус (урожд. Штётцель; 1755—1805), они получали в этом доме не только стол и возможность спокойных занятий, но и находились под благоприятным воспитательным влиянием наставника. В пансионе проживали студенты из различных регионов Европы, в том числе и из Курляндии и Лифляндии.⁶⁸ Можно лишь догадываться, бывали ли в этом доме — по собственному желанию или по приглашению — «наши» студенты. Радищев, как и вся «русская группа», с 1768 по 1771 г. жил в центре Лейпцига, на Хайнштрассе,⁶⁹ параллельной улице, где находился дом Клодиуса; однако ничего не известно о контактах Клодиуса, например, с ближайшим другом Радищева, разделявшим с ним в Лейпциге комнату, — А. М. Кутузовым.

Возможно, русских студентов заинтересовало в Клодиусе его отношение к пансионерам и другим слушателям его лекций. Однако более всего, по-видимому, к знакомству располагала сама обстановка занятий у Клодиуса. Как уже говорилось, в соответствии с инструкцией русские студенты могли посещать факультативные занятия по собственному выбору, в том числе и связанные с изучением словесности. В 1769 г. Геллерт и Клодиус читали лекции по схожим темам.⁷⁰ Геллерт начиная с летнего семестра 1769 г. и до своей смерти (он умер 13 декабря 1769 г.) проводил «обычные занятия в немецком стиле». Поскольку его занятия, несмотря на болезнь, привлекали множество слушателей (говорили, что на лекции могли собраться до сотни студентов), можно предположить, что недостаточно хорошо владевшие немецким языком русские студенты вместо них посещали занятия Клодиуса, который параллельно с 9 до 11 часов давал частные занятия по литературе и философии. В этом семестре Клодиус предлагал также «письменные и устные занятия в различных, преимущественно научных, вопросах». Именно это требовалось молодым русским студентам для развития художественного

⁶⁸ *Clodius Chr.* A. Neue vermischte Schriften. Leipzig, 1787. 6. Theil. S. XI.

⁶⁹ О местах, где жили русские студенты в Лейпциге, см.: *Хексельнайдер Э.* Открытие мемориальной доски Радищеву в Лейпциге // XVIII век : А. Н. Радищев и литература его времени. Л., 1977. Сб. 12. С. 247—250. Памятная доска, установленная в 1974 г. на доме 8 по улице Хайнштрассе, была снята кем-то из жителей дома в период политических изменений 1989—1990 гг., передана в архив Музея городской истории Лейпцига и более не доступна широкой публике.

⁷⁰ Долгое время считавшийся утраченным реестр университетских лекций за эти годы был обнаружен лишь недавно: *D. August Friedrich Schotts.* Unpartheyische Critik über die neuesten juristischen Schriften. Leipzig, 1768. Учебный план зимнего семестра 1768 г. находится во втором томе (S. 171—189); летнего семестра 1769 г. — в шестом томе (S. 547—569), зимнего семестра 1769 г. — в 11-м томе (S. 74—90); летнего семестра 1770 г. — в 17-м томе (S. 643—660).

вкуса и навыков в немецком языке. Написание писем почиталось в это время особым искусством, и Геллерт (а под его влиянием и Клодиус) сделал немало, чтобы поднять его на новую высоту. Уже в «Мыслях о хорошем немецком письме» (1742) он ратовал за «искусство писать письма естественно» и пытался доказать, что немецкий язык уже достиг той степени развития, чтобы выражать «чувствования надежды, довольства, боли» и прочих тонких чувств. Его «Письма с приложением практического опыта о хорошем вкусе в письме» (1751) в некотором смысле стали учебником немецкого языка для всех классов общества.⁷¹ Подобные взгляды заставляли в учебной практике ставить в основу обучения умение писать естественные, ориентированные на обычную речь письма. Обмен письмами между учителем и учеником способствовал и педагогическим целям контроля за поведением воспитанников.⁷²

Остается лишь догадываться, посещали ли русские студенты также курс Клодиуса «Критическая история поэзии». В зимний семестр 1770 г. они могли, по-видимому, посещать курс, обозначенный в программе как «Диспутатории, в том числе и с подготовкой к ним». Курс этот мог в первую очередь заинтересовать Рубановского, о котором известно, что в Лейпциге он составил несколько «рассуждений» (сохранилось два их названия) и выполнил четыре перевода с немецкого на французский язык, из которых «некоторые напечатаны в Лейпциге 1771 года».⁷³ И он, и Радищев (а также, возможно, кто-то еще из русских студентов) должны были заинтересоваться курсом Клодиуса, заявленным под названием «Искусство сочинять письма». Возможно, именно его посещение заставило двух друзей писать в сентябре 1769 г. в Цвиккау? Но почему тогда не сохранилось писем Кутузова и Янова, которые входили в тот же дружеский круг и которые, по-видимому, должны были посещать те же лекции? Возможно, их письма просто до нас не дошли? И наиболее важный вопрос: зачем Рубановский и Радищев писали Клодиусу письма во время его, судя по всему, совсем непродолжительного отъезда из Лейпцига, причем письма (как будет показано ниже), по сути совершенно пустые, почти не дававшие никакой информации

⁷¹ *Klinkhardt H. Nachwort // Gellert Chr. F. Sämtliche Fabeln und Erzählungen : Geistliche Oden und Lieder. München, 1965. S. 336 f.*

⁷² Ср.: *Arto-Haumacher R. Gellerts Briefpraxis und Brieflehrer Der Anfang einer neuen Briefkultur. Wiesbaden, 1995.*

⁷³ Опыт исторического словаря о российских писателях / Собрал Николай Новиков. СПб., 1772. С. 193. (Факсимильное издание. М., 1987). Установить, какие именно статьи имеются в виду, на данный момент не представляется возможным.

адресату? Однако, и это делает их особо ценными, публикуемые письма представляют собой примерные образцы галантного стиля своего времени — как например письмо Радищева с его намеками о «прекрасном поле». Легко и несколько фривольно он задает в письме прямые вопросы своему учителю (!): «Чем заняты Вы в Цвикау? Как проводите время? Есть ли прекрасный пол в вашем обществе и находите ли вы в том приятность? Возможно ли при них расслабиться? Их обхождение (если только они не рассержены, ибо тогда они злостью превосходят всех существ земных) столь приятно, столь привлекательно, пробуждает столь нежные чувства, столь воодушевляет жизненные силы, что даже окаменелого под Медузиным взором может вернуть к жизни».⁷⁴

Как мне представляется, смысл писем был в следующем: по-видимому, они были направлены Клодиусу как «учебные опыты» сверх обычной лекционной программы; целью их было укрепить навыки учеников в стиле и показать учителю, насколько ученики усвоили искусство составления писем. На это указывают, как кажется, два места в радищевском письме. Уже в начале письма он помещает обширные риторические фигуры, выливающиеся в утверждение: «что может быть досаднее, чем заполнять в письмо похвалами», после чего следует содержательная связка: «Я *должен* к вам писать» (курсив мой. — Э. Х.). А позже очередной блок точеных галантных комплиментов он завершает упоминанием стихотворения Геллерта «Человек» и пишет: «Но поскольку я *обязан* писать к вам, то поведу разговор о другом» (курсив мой. — Э. Х.).

Письмо Рубановского устроено иначе. Он старается подчеркнуть усердие, с которым он работает над своими (по-видимому, учебными) переводами. При этом он с помощью весьма возвышенных оборотов приводит основания, объясняющие, почему он, хотя и весьма усерден в переводах (с французского на немецкий), но не хотел бы утруждать своего учителя, пока тот находится в Цвикау. Я полагаю, что без разрешения и даже, скорее, указания учителя оба студента едва ли решились бы написать Клодиусу (отсутствовавшему всего несколько дней) письма, не затрагивающие никаких существенных вопросов.

Неизвестно, были ли это первые русские, с которыми встречался Клодиус; но с уверенностью можно говорить что Радищев и Рубановский были его первыми русскими *студентами*. Об отношении Клодиуса к России в целом и к русским студентам в частности до сих пор не упоминалось, между тем источники для

⁷⁴ Все цитаты — из обоих, публикуемых в приложении писем.

его реконструкции имеются, хотя и относятся к более позднему времени. Так, в 1780 г. он посвятил 2-й том (вышедший под названием «Сципион») своих «Новых различных сочинений» (*Neue vermischte Schriften*) «Победоносной российской самодержице», имея в виду, судя по всему, победу России в русско-турецкой войне, завершившейся в 1774 г. Кючук-Кайнарджийским миром. Стоит заметить, что курьером, доставившим в Италию известие о заключении этого мира, был бывший студент русской группы В. Н. Зиновьев. В посвящении к четвертому тому тех же «Новых различных сочинений» Клодиус упомянул о незабвенной беседе брата госпожи «О. фон Б.» (идентифицировать его пока не удалось) со «славным адмиралом Орловым».⁷⁵ Клодиус был настолько «растроган возвышенной красотой» побед А. Г. Орлова-Чесменского в Эгейском море, что намеревался воспеть его в своих произведениях.⁷⁶

В том же посвящении Клодиус процитировал отправленное ему из Парижа письмо графа А. П. Шувалова, желавшего лейпцигскому профессору «всяческих благ». Из процитированного фрагмента можно с уверенностью заключить, что Клодиус и Шувалов были знакомы, однако установить точное время и место их знакомства не представляется возможным. Можно лишь предполагать, что оно состоялось в Лейпциге, поскольку о посещении Клодиусом Парижа ничего не известно, между тем как весьма вероятно, что путь Шувалова во время его путешествий в 1764—1766 или (что более вероятно) в 1776—1781 гг. пролегал через Лейпциг. Важно отметить, что Шувалов отправил Клодиусу свое «Послание г. Вольтеру» (*Epître de Mr. le Comte de Schowalow à Mr. Voltaire*, 1765). По отзыву Клодиуса, в этом стихотворении «дух благородной свободы, соединенный с самой подлинной религиозностью, проявляется столь же горячо и изящно, сколько и рвение к прославлению несравненной российской монархини, а также подлинному искусству и истине».⁷⁷ Клодиус был настолько воодушевлен письмом Шувалова и его «Посланием», что написал стихотворный ответ — «Сельский праздник. Российскому графу Шувалову, остроумному автору послания Вольтеру» (*Das ländliche Fest. Dem Rußischen Grafen von Schuwalow; dem geistreichen Verfasser des Briefs an Voltäre*).⁷⁸ Известно еще одно сочинение Клодиуса на «русскую» тему — стихотворение «Кам-

⁷⁵ *Clodius Chr. A. Widmung // Orosman : Die neuen vermischten Schriften*. 4. Theil. Leipzig, 1780 (ненум.).

⁷⁶ *Ibid.* Стихотворения Клодиуса о Чесменском сражении установить не удалось.

⁷⁷ *Ibid.*

⁷⁸ *Ibid.* S. 235—240.

чатка, или Диковинная жертва»,⁷⁹ навеянное чтением описания Камчатки Г. В. Штеллера, в том числе языческого бога Кутки, однако в нем ни с этнографической, ни с какой-либо другой точки зрения не упоминается Россия.⁸⁰

Значение публикуемых писем для дальнейших биографических разысканий

Публикуемые письма — наиболее ранние из известных писем студентов русской лейпцигской группы. В первую очередь они позволяют говорить о новой фигуре, имевшей определенное влияние на этот круг, — Клодиусе. Они также впервые доказывают, что у студентов этой группы были личные контакты с лейпцигскими профессорами, несмотря на, скорее всего, учебный характер писем и незначительность приведенных в них биографических подробностей. Между тем теперь можно с уверенностью говорить, что связи русских студентов с лейпцигским обществом (как было показано выше, не только профессорами, но и студентами) были значительно более разнообразными, чем это представлялось ранее. О владении Радищева и его товарищей немецким языком до сих пор можно было судить только на основании неопределенных сведений, полученных по большей части из их собственных обмолвок (преимущественно в материалах следствия по делу о бунте против Бокума). Совершенно очевидно, что до отъезда из России разговорной практики в немецком у будущих студентов почти не было. Устранить этот недочет должны были подготовительные занятия по языкам и некоторым другим предметам в первый год пребывания в Лейпциге. Поначалу занятия немецким⁸¹ проходили по два часа (с 7 до 9 утра) четыре дня в неделю,⁸² что оказалось совершенно недостаточным. Уже в первый период «бунта» студенты жаловались на плохое знание немецкого языка как для понимания профессорских лекций, так и для общения. Вторая фаза «бунта» — отказ от лекций Беме и переход к Шмиду, — также в основе имела предпочтение фран-

⁷⁹ *Clodius Chr. A. Scipio : Der neuen vermischten Schriften zweyter Theil.* Leipzig, 1780. S. 64—67.

⁸⁰ *Steller G. W. Beschreibung von dem Lande Kamtschatka.* Frankfurt; Leipzig, 1774. S. 263—184 (глава 24 «О религии населяющих ее ительменов» (Von der Religion derer Itälmenen)).

⁸¹ С августа 1767 по октябрь 1769 г. немецкий язык русским студентам преподавал профессор Иоганн Йохим Швабе (1714—1784), а затем Х. Гарве.

⁸² *Старцев А.* Университетские годы Радищева. С. 26.

цузского немецкому как языка обучения.⁸³ Вместе с тем в это время как собственная немецкая речь русских студентов, так и понимание ими текстов настолько усовершенствовались, что газета «*Leipziger Zeitung*» замечала в связи с публичным испытанием, в котором участвовали русские студенты, что их ответы профессорам заслужили одобрение, в том числе и в отношении «навыка в языке».⁸⁴

Немецкий стиль — галантный (у Радищева) и деловой (у Рубановского) — а также орфография публикуемых ниже писем показывают, насколько хорошо ко времени их написания студенты владели немецким языком: по учебной шкале они могут быть оценены в пределах от «хорошо» до «отлично». Ошибок совсем немного — тем более что, учитывая отсутствие единой орфографической нормы в немецком языке середины XVIII в., не вполне понятно, какие из них в действительности могли быть расценены как ошибки. Обращение к немецкому языку галантной эпохи и повышенное в ходе обучения внимание к научной терминологии юридических, философских и исторических предметов могло в результате привести к ошибкам в русской речи при возвращении студентов в Россию. Между тем часто упоминаемое в работах о Радищеве замечание его сыновей о том, что якобы русские студенты за границей вовсе забыли родной язык, неверно. Как убедительно показывает П. Хоффманн, Радищев уже в первой половине 1770-х гг. блестяще владел русским канцелярским языком с его специфическими терминами и оборотами, а добиться этого, перед тем основательно забыв родной язык, было бы невозможно.⁸⁵

Вот уже несколько поколений исследователей жизни и творчества Радищева занимает вопрос о возможном знакомстве кого-либо из студентов русской группы с Гете, который до сих пор не может получить желаемого положительного ответа. Ранее мне уже приходилось указывать с привлечением редко используемых материалов, что возможность подобного знакомства крайне маловероятна, поскольку даже увидиться или узнать о существовании друг друга Гете и русские студенты могли лишь в непродолжительный период с 26 февраля 1767 г., когда первые русские студенты были записаны в матрикулы Лейпцигского университета, по 28 августа 1768 г., когда Гете, поступивший в него 19 октября 1765 г., покинул Лейпциг, то есть для возможного знакомства

⁸³ *Хексельшнайдер Э.* Профессор Христиан-Фридрих Шмид, учитель русских студентов в Лейпциге. С. 220—227.

⁸⁴ *Leipziger Zeitung. Extract der eingelaufenen Nouvelles.* XX. Stück. Leipzig, 1768. 14. Mai.

⁸⁵ *Hoffmann P.* Aleksandr Nikolaevič Radiščev: Neue Materialien — neue Probleme // *Zeitschrift für Slawistik.* 1998. Bd. 34. H. 3. S. 403 f.

у них было всего 590 дней, а это означает, что Радищев и Гете, скорее всего, могли друг друга видеть, но вряд ли проявили друг к другу интерес и познакомились.⁸⁶ Обнаружение писем русских студентов Клодиусу заставляет вновь обратиться к вопросу о возможности этого знакомства, поскольку профессор, как кажется, мог выступить в данном случае невольным посредником. Дело в том, что Гете также, по совету Геллерта, посещал семинар его любимого ученика и в результате создал Клодиусу сомнительную славу колкими и язвительными стихотворениями о нем. Возможно, Радищев и Гете вместе присутствовали на занятиях Клодиуса,⁸⁷ что заставляет относиться к решению вопроса о времени их посещения Радищевым в 1768 г. особенно внимательно.

Из обоих писем мы получаем также сведения об интересах русских студентов к общественной и культурной жизни Лейпцига. Эти чрезвычайно точные указания придают объем картине быта студентов. В частности, с уверенностью можно говорить, какие события осени 1769 г., в частности подготовка к осенней ярмарке, вызывали у студентов наибольший интерес.

В первую очередь заслуживает внимания свидетельство Радищева об открытии театрального сезона, поскольку оно позволяет судить о духовных запросах студентов и о том, какие развлечения интересовали их в городе. Предположения о живом интересе Радищева к театру уже во время его пребывания в Лейпциге высказывались давно, однако до сих пор никаких надежных данных для его подтверждения у нас не было; впрочем, и сведения, приводящиеся в письме, также не вполне достаточны для развернутого суждения по этому вопросу.

Театральная история Лейпцига начинается с существовавшего в 1693—1720 гг. «Театра на улице Брюль», где представлялись по большей части комические оперы; в 1744—1757 гг. ему на смену пришел Театр у Ранштадтских ворот, где начиная с 1752 г. давались преимущественно зингшпили.⁸⁸ О постоянно действующем театре в Лейпциге можно говорить лишь с 1766 г. Его открытие связано с упомянутым в письме Радищева антрепренером Готтфридом Фридрихом Кохом (Koch; 1703—1775), начавшим театральную карьеру в 1728 г. в знаменитой труппе

⁸⁶ *Hexelschneider E.* Noch einmal: Haben sich Goethe und Radišev während ihres Studiums in Leipzig getroffen? // Zwahr H., Schirmer U., Steinführer H. (Hrsg). Leipzig, Mitteldeutschland und Europa. Beucha, 2000. S. 93.

⁸⁷ Об отношении Гете к Клодиусу см.: *Гете И. В.* Из моей жизни. Т. 3. С. 251—257.

⁸⁸ Зингшпиль — распространенный в Германии и Австрии во 2-й половине XVIII в. смешанный жанр, совмещавший музыкальные номера и прозаические диалоги.

Фридрики-Каролины Нейбер (Neuber; 1697—1760) и основавшим собственное дело в 1750 г. Начиная с весны 1751 г. он давал представления в построенном под руководством И. К. Готшедда театре в Квандтс-Хоф в центре Лейпцига, где ранее Ф. К. Нейбер поставила комедию Лессинга «Молодой ученый». Начиная же с открытия осенней ярмарки 1766 г. (10 октября) представления труппы Коха начали проходить в здании у Ранштадтского бастиона (одном из традиционных мест городских развлечений в Лейпциге), принадлежавшем торговцу табаком Г. Б. Цемишу и вмещавшем до 1000 (!) зрителей.⁸⁹ Это событие и принято считать началом театра в Лейпциге. Однако вскоре Кох покинул Лейпциг. Богословский факультет университета посчитал, что частое посещение театра студентами (наряду с посещением увеселительных мест в окрестностях Лейпцига) вело к роскоши и развращению их нравов, а также к пропускам в посещении занятий и небрежении к церковным службам. Поэтому саксонскими властями было установлено, что во время ярмарки театр может давать не более двух представлений в неделю, из-за чего труппа Коха покинула Лейпциг в октябре 1768 г. и вновь появилась в городе лишь на осенней ярмарке 1769 г., чтобы обосноваться здесь до января 1771 г. Об открытии театра после годичного перерыва и пишет в своем письме Радищев, хотя и не вполне ясно, была ли ему известна предыстория этой антрепризы.⁹⁰

Какие спектакли могли увидеть русские студенты (и, конечно, не только они) на почти ежедневных представлениях этой талантливой труппы во время осенней ярмарки 1769 г.? Театр Коха не был репертуарным, то есть каждая пьеса давалась не более двух, а чаще всего лишь один раз. Представления открылись 18 сентября «Шотландкой» (*Das Kaffeehaus oder die Schottländerin*) Вольтера; на следующий день шла комедия Гольдони «Льстец». До 10 октября давалось не менее четырех представлений в неделю, в том числе «Тартюф» Мольера, «Ричард III» Х. Ф. Вайзе, фарс Гольдони «Война» и пр. По большей части репертуар состоял из пьес и комических опер (зингшпилей) ныне прочно забытых

⁸⁹ На первом представлении в театре была трагедия «Герман» (Herrmann) И. Э. Шлегеля, перед которой был показан пролог, написанный К. А. Клодиусом, в конце были даны балет и комедия.

⁹⁰ О театральной жизни Лейпцига в эту эпоху и особенно о Кохе см.: *Witkowski G. Geschichte des literarischen Lebens in Leipzig*. Leipzig, 1909. Nachdruck: München; Leipzig u. a., 1994. S. 437—445; *Ziller C. Leipzigs Theaterleben zwischen 1725 und 1770 // Johann Wolfgang von Goethe und Leipzig : Beiträge und Katalog zur Ausstellung*. Leipzig, 1999. S. 107—119; [Blümner H.]. *Geschichte des Theaters in Leipzig*. Leipzig, 1818. Nachdruck: Leipzig, 1979. S. 77 ff.; *Kneschke E. Zur Geschichte des Theaters und der Musik in Leipzig*. Leipzig, 1864. S. 39—45.

авторов, а также из пантомим и балетов. Более всего (свыше 20 %) было зингшпелей, прежде всего — Иоганна Адама Хиллера (Hiller; 1728—1804), главного капельмейстера концертного зала Гевандхаус, особенно «Превращенные женщины или Черт на свободе» (*Die verwandelten Weiber oder Der Teufel ist los*; 1766) и «Охота» (*Das Jagd*, 1770; либретто Х. Ф. Вайзе). Посещали ли Радищев и его друзья театр и какие именно пьесы они смотрели, остается неизвестным; возможно, ответить на этот вопрос помогут дальнейшие разыскания.

И. А. Н. Радищев — Х. А. Клодиусу

20 сентября 1769

Письмо занимает 3 листа, формат 220 × 226.1 (л. 1); 223.2 × 266.9 (л. 2); 220.2 × 265.5 (л. 3). Границы строк выделяются знаком «/»; границы листов — знаком «|» с обозначением листа; грубые ошибки подлинника сопровождаются указанием «[sic]».

[Л. 1] Leipzig den 20 Semptember [sic] 1769.

Mein Herr.

Nichts ist so angenehm als seine Empfindung aus / ausdrücken; nichts ist so erquickend als sich mit jemanden [sic] dessen Gegenwart man entbehren muß, in Unterredungen / einzulassen; aber nichts ist so verdrießlich als seine Briefe / mit Complimenten auszufüllen — Ich muß an / Sie schreiben. Soll ich meine Dankbarkeit für / ihre Bemühungen in Ansehung meines Unterrichtes an den / Tag legen? Mein Bestreben einen Vorthail von ihren / Kenntnißen zu ziehen, beweist genug wie ich, den Nutzen / den mir ihr Umgang bringt, empfinde. Soll ich meine [Л. 2] Hochachtung gegen Ihre Einsichten und Verdienste um die / Welt bezeugen? Sie ist ebenfalls aus meinem Bemühen / mir Ihre Talente zum Nutzen zu machen, einzusehen. / Und wie wenig würden meine Lobsprüche einem Mann / schmeicheln, der den Beyfall der Welt verdiennt [sic] hat? / Noch mehr, vielleicht bin ich der Junge der bey [sic] Gellert / das Gemälde bewundert hat.⁹¹ Deswegen halte ich

⁹¹ Полагаю, в данном случае Радищев обыгрывает басню Геллерта «Художник», написанную в 1-й половине 1740-х гг. (первое издание 1745 г.), поднесенную поэтом прусскому королю Фридриху II 11 декабря 1760 г. при посещении им Лейпцига (см.: *Gellert Chr. F. Gesammelte Schriften* / Hrsg. B. Witte. Bd. 1. Berlin; New York, 2000. S. 129 f.). Радищев был знаком с немецким текстом, однако можно лишь гадать, какое именно издание сочинений Геллерта он держал в руках. Возможно, это было издание «Басен и сказок» (*Gellert Chr. F. Fabeln und Erzählungen*. 1-е изд. Leipzig, 1746—1748), в последний раз к моменту

мич / zurück — Wie sehr soll ich mich also in Acht nehmen / um Sie nicht auf eine gar zu verdrießliche Art zu / complimentieren. Doch weil ich an Sie schreiben soll / so will ich von andern Sachen reden.

Was machen Sie in Zwickau? wie bringen Sie die / Zeit zu? haben Sie Frauenzimmer⁹² in Ihrer Gesellschaft / und sind Sie dabey vernügt? Wie kann man bey |Л. 3| denselben einschlaffen? Ihr Umgang, (wenn Sie nur nicht / aufgebracht sind; sonst übertreffen Sie alle Geschöpfe an Bosheit) / hat so viel angenehmes, so viel reizendes, giebt Anlaß / zu so sanften Empfindungen, macht so lebhaft die Lebensgeister / daß auch derjenige den der Anblick [sic] der Medusa starr / gemacht hat, die Empfindung wieder erhalten würde. Verzeihn [sic] / Sie mir die Unbescheidenheit und Freymüthigkeit die / in meinen Fragen seyn möchten. Allein was soll ich / Ihnen sagen? Wie es in Leipzig aussiehet? Eben so / wie vorhero; alles bereitet sich zur Meße⁹³ — Nur / eine Neuigkeit. Gestern hat man zum ersten Mahl den [sic] Theater wieder / geöffnet. Mehr weis ich Ihnen nichts [sic] / zu sagen.

Mein Herr

Ihr ergebenst gehorsamster Diener
Alexander von Radistscheff.

Перевод:

Лейпциг, 20 сентября 1769

Милостивый государь,

Что может быть приятнее, как выразить вполне свое чувство; что более живительно, как вступить в беседу с кем-либо, чьего

пребывания Радищева в Лейпциге переизданное лейпцигским книгоиздателем К. Фричем (Fritsch) в 1767 г. либо же 1-я часть «Избранных сочинений» (*Gellert Chr. F. Sämmtliche Schriften. 1. Theil. Leipzig, 1769*). Русский перевод басни был впервые опубликован лишь в 1788 г. (*Drews P. Deutsch-slavische Literaturbeziehungen im 18. Jahrhundert. S. 228*).

Радищев несомненно имеет в виду мораль сказки: «Когда твоё сочинение не нравится знатоку, это дурной знак, но если оно заслуживает похвалы дурака, то самое время его уничтожить». Басня высмеивает лесть, неприятие её Радищевым известно; поэтому он даёт отсылку к юноше (у Геллерта «молодой дурак» (*junger Geck*)), который, разумеется (и в этом — основное различие), льстит и расхваливает сам себя. Радищев, по-видимому, хотел отчетливо отказаться от любой формы лести по отношению к Клодиусу. Остается непонятным, содержит ли этот фрагмент также иронию по отношению к учителю.

⁹² В подлиннике «т» с надстрочным подчеркиванием. Здесь и во всех подобных случаях подобное написание передается через двоянную согласную («тт»), «пп» и т. п.).

⁹³ Осенняя ярмарка начиналась в Лейпциге 1 октября и продолжалась две недели.

присутствия должно было лишиться; но что может быть досаднее, чем заполнять все письмо похвалами; итак, я должен к вам писать. Нужно ли мне оказать благодарность за все ваши труды в занятиях со мною? Мое стремление извлечь пользу от ваших знаний довольно доказывает, сколько я испытываю прибытку от общения с вами. Должен ли я заверить вас в глубоком уважении к вашим познаниям и заслугам пред светом? Его также видеть можно из моего старания обратить себе в пользу ваши таланты. Да и сколь бы мало польстили мои похвалы человеку, заслужившему восторг всего света. Более еще, не юнец ли я, что у Геллерта восхищался картиной? Потому воздержусь. — Сколь много следует мне остерегаться, чтобы похвалы мои не оказались вам огорчительны. Но поскольку я обязан писать к вам, то поведу разговор о другом.

Чем заняты вы в Цвиккау? Как проводите время? Есть ли прекрасный пол в вашем обществе, и находите ли вы в том приятность? Возможно ли при них расслабиться? Их обхождение (если только они не рассержены, ибо тогда они злостью превосходят всех существ земных) столь приятно, столь привлекательно, пробуждает столь нежные чувства, столь воодушевляет жизненные силы, что даже окаменелого под Медузиным взором может вернуть к жизни. Простите мне нескромность и прямодушие, если их можно найти в моих вопросах. Но что же я должен вам сказать? Как обстоят дела в Лейпциге? Так же точно, как и ранее; все готовится к ярмарке. — Но есть и новость: вчера в первый раз вновь открылся театр. Более я, что вам сказать, не знаю.

Милостивый государь,
преданнейший вам и покорнейший слуга
Александр Радищев

II. А. К. Рубановский — Х. А. Клодиусу

21 сентября 1769

Письмо занимает 3 листа, формат 187.1 × 229.8 (л. 1); 186.9 × 229.5 (л. 2); 187.6 × 268.7 (л. 3). Границы строк выделяются знаком «/»; границы листов — знаком «|» с обозначением листа; грубые ошибки подлинника сопровождаются указанием «[sic]».

|Л. 1| Mein liebster Herr / Professor, /

Schon fünf Tage sind verfloßen, / daß ich das Vergnügen entbehre, / mit Ihnen zu sammen zu seyn. / Glauben Sie mir, daß mir die / Zeit anfängt sehr lang zu werden, / bis ich Sie wieder sehe.

Ich muß / unterdeßen bey Ihnen um Verzeihung / bitten, daß ich an der Mittwoche [sic] nicht an Sie geschrieben habe.⁹⁴ Es / waren verschiedene Umstände, / die mich wider meinen Willen / von diesem Vergnügen abhielten. / Jetzt ergreife ich aber begierig / die Gelegenheit, die ich habe, Ihnen / meine Erkenntlichkeit zu erkennen / zu geben. Ich habe zwar ein Paar Uebersetzungen fertig gemacht. / Allein sie Ihnen zu schicken, habe / ich doch nicht gewagt. |Л. 2| Denn als Sie sich zu dieser / Reise deswegen entschloßen / haben, theils um sich von der / Arbeit zu erholen, theils die / Freunde zu genießen, mit Ihren / liebenswürdigsten Verwandten / und Freunden zusammen zu seyn: / so will ich nicht, daß Sie Ihre / angenehmen Stunden mit / Lesung meiner Arbeit / verderben. Denn ob es / zwar keine große Arbeit ist, / Uebersetzungen durchzusehen, / so ist es doch eine Arbeit. Und wenn / man diejenigen, die man / liebt und hochschätzt, / lange Zeit nicht gesehen hat, so wird uns ein Jeder Augenblick in Ihrer Gesellschaft schätzbar. |Л. 3| Leben Sie wohl und vergnügt, / mein liebster Herr Profesor (sic), / und kommen Sie ja wieder recht / gesund zu uns. Ich werde einen / großen Vorrath, von Uebersetzungen / und Aufsätzen bereit haben.

Ich verbleibe zeitlebens mit /
den freundschaftlichsten Gesin / nungen

Ihr,
Gehorsamster Diener
A. von Rubanofsky

Den 21.ten Sept[ember]
1769.
Leipzig.

Перевод:

Мой любезнейший господин профессор,

Вот уж прошло пять дней, как я лишен удовольствия быть вместе с вами. Поверьте мне, время до той поры, как вновь увидимся, стало казаться мне слишком удаленным. Между тем я должен просить у вас прощения, что не писал вам в среду. Различные обстоятельства против моей воли удержали меня от сего удовольствия. Теперь же я спешу воспользоваться удобным случаем выразить вам свою признательность. Я, хотя и закончил уже два перевода, но отослать их вам я все же не отваживаюсь.

⁹⁴ 21 сентября 1769 г. приходилось на четверг, то есть письмо Рубановского должно было быть написано в один день с письмом Радищева, по-видимому, в уговоренный день отправки почты.

Ибо поскольку вы решились на эту поездку, чтобы как отдохнуть от трудов, так и насладиться обществом друзей, побыть с любезнейшими родственниками и друзьями, то я не хочу, чтобы вы губили приятные часы на чтение моей работы. Поскольку хотя это и не большая работа — просмотреть переводы, — но все же работа. А когда долго не видим тех, кого любим и высоко ценим, то каждый миг в их обществе для нас на вес золота. Поживите в удовольствие и приятно, любезнейший господин профессор, и возвращайтесь к нам в полном здравии. Я заготовлю большой запас переводов и сочинений.

Остаюсь во всю мою жизнь
с самыми дружескими чувствами
ваш покорнейший слуга
А. Рубановский

21 сент[ября]

1769.

Лейпциг.